

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Признаніе и удовлетвореніе.

На практикѣ возникъ весьма любопытный вопросъ о значеніи признанія učinеннаго въ судѣ. Вопросъ этотъ хотя возникъ въ старыхъ учрежденіяхъ, сохраняетъ, по характеру своему, силу и значеніе и по отношенію къ новому судопроизводству. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: А и Б. спорили между собою о суммѣ въ 3700 р., слѣдующей первому по двумъ, совершеннымъ у маклерскихъ дѣлъ, заемнымъ письмамъ. Сущность этого спора имѣеть для нашего вопроса мало значенія. Намъ достаточно только знать, что, во время судебного по сему дѣлу производства, А и Б. подали въ Уѣздный Судъ и въ Гражданскую Палату мировое прошеніе, въ которомъ А объяснилъ, что, по случаю мирового съ Б. соглашенія, онъ получилъ отъ него «полное удовлетвореніе», а потому просить судъ, дѣло его съ Б. прекратить. Поэтому случаю Уѣздный Судъ возвратилъ отвѣтчику съ надписью заемныя письма, а Гражданская Палата сняла наложенное по этому поводу на имѣніе сего послѣдняго запрещеніе. Когда за симъ судъ обратился къ тяжущимся за отобраніемъ отъ нихъ, согласно 1136 ст. 2 ч. х т. (сохранившей силу и при новомъ судопроизводствѣ, ст. 1362 Уст. Граж. Судопроизв.), допросовъ о доброй волѣ ихъ къ миру, истецъ объявилъ, что онъ отказывается отъ мировой сдѣлки на томъ основаніи, что, хотя онъ получилъ отъ отвѣтчика въ счетъ искомой суммы 2700 р. с., но сей послѣдній не исполнилъ остальныхъ выговоренныхъ условій. Весьма естественно, что мировая сдѣлка признана была несостоявшеюся. Не можемъ здѣсь же не обратить вниманія на неправильный образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ Уѣзднаго Суда и Гражданской Палаты. Они возвращаютъ отвѣтчику съ надписью заемныя письма и снимаютъ съ имѣнія

его запрещеніе, т. е. совершаютъ дѣйствія, которыя суть прямыя послѣдствія исполнѣнія законченной, состоявшейся мировой сдѣлки и затѣмъ уже обращаются за отобраніемъ вопросовъ о доброй волѣ; т. е. за такимъ условіемъ, которое, по смыслу закона, составляетъ существенную принадлежность мировой сдѣлки, безъ которой она недействительна. Какъ бы то ни было, но когда мировая сдѣлка объявлена была недействительною, то возбужденъ былъ вопросъ о томъ: не слѣдуетъ ли изложенное въ мировомъ прошеніи показаніе истца о томъ, что онъ получилъ отъ отвѣтчика «полное удовлетвореніе, считать признаніемъ на письмѣ въ судѣ представленнымъ» которое на осн. 315 ст. 2 ч. х т. считается совершеннымъ доказательствомъ въ пользу того, къ которому признаніе относится. Вопросъ этотъ, возбужденный въ судахъ нашихъ самыя горячіе споры и подвергшійся въ нихъ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ, достоинъ подробнаго критическаго разбора.

Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо, не увлекаясь существованіемъ, въ настоящемъ случаѣ, факта внѣшняго, формальнаго признанія, вникнуть въ его смыслъ, въ его внутреннее содержаніе. Необходимо, выяснить сущность признанія въ полученіи удовлетворенія при мировой сдѣлкѣ. Но для этого нужно предварительно разсмотрѣть вопросъ объ удовлетвореніи получаемомъ вслѣдствіе мировой сдѣлки и удовлетвореніи получаемомъ въ силу судебнаго рѣшенія. По нашему, между двумя этими видами удовлетворенія рѣзкая граница. Характеристическая черта мировой сдѣлки состоитъ въ томъ, что истецъ увѣренный даже въ справедливости своего иска въ цѣломъ его составѣ, во избѣжаніе хлопотъ, возни, траты продолжительнаго времени, вслѣдствіе иногда неполной увѣренности въ юридическомъ успѣхѣ въ судѣ при нравственной чистотѣ дѣла (обстоятельства, которыми въ особенности сопровождается наше отживающее судопроизводство, но отъ которыхъ не можетъ быть отчасти свободна и всякая другая форма судопроизводства (рѣшается на *уступки* въ пользу противной стороны и этимъ путемъ достигаетъ мирнаго окончанія дѣла. Не станемъ спорить о томъ, что возможны случаи, гдѣ главнымъ побудителемъ къ мировой сдѣлкѣ является отвѣтчикъ, который, руководясь нѣкоторыми изъ вышеизложенныхъ мотивовъ, а также во избѣжаніе необходимости платить, въ случаѣ рѣшенія дѣла въ пользу противной стороны, лишнихъ процентовъ за сумму иска за все время производства по суду дѣла, различныхъ пенящихъ, аннуэціонныхъ штрафовъ, простей и волокитъ, рѣшается лучше покончить дѣло миромъ и удовлетворить истца во *всей* имъ искомою суммѣ. Но если даже допустить самое крайнее въ семъ

случаѣ и не признать уступки со стороны истца обыкновеннымъ явленіемъ, правиломъ при мировой сдѣлкѣ — предположеніе, съ которымъ, впрочемъ, не такъ легко согласиться — то для насъ уже важно то, что при ней *могутъ* быть, *возможны* уступки и что эта возможность уступокъ и составляетъ отличительную черту мировой сдѣлки. По нашему мнѣнію, возможность при мировой сдѣлкѣ уступокъ со стороны истца есть одно изъ тѣхъ *юридическихъ предположеній*, которыя, какъ основанныя на сущности дѣла и на опытѣ, не могутъ быть оставлены безъ вниманія при разрѣшеніи связанныхъ съ ними практическихъ случаевъ. Совершенно противоположное слѣдуетъ сказать объ удовлетвореніи, получаемомъ въ силу судебного рѣшенія. Для суда существуетъ только цѣна иска. Цѣна иска это центральный пунктъ, около котораго вращается судебное по дѣлу производство. Признаніе судомъ правильности иска въ цѣломъ его составѣ необходимо влечетъ за собою *полное* удовлетвореніе истца, при сужденіи ему *всей* искомой суммы. *Уступки по отношенію къ судебному рѣшенію вещь немыслимая*. При такомъ различіи въ ихъ сущности, въ ихъ юридическомъ характерѣ, судебная практика должна строго отдѣлять понятіе объ удовлетвореніи, получаемомъ вслѣдствіе мировой сдѣлки и удовлетвореніи, получаемомъ въ силу судебного рѣшенія. Примѣненіе, по отношенію къ судебному рѣшенію, понятія объ удовлетвореніи, послѣдовавшемъ, или долженствовавшемъ воспослѣдовать вслѣдствіе предположенной, но несостоявшейся мировой сдѣлки, будетъ по нашему мнѣнію отступленіемъ отъ существа дѣла, отъ логики и — какъ увидимъ ниже — отъ духа и смысла, основаннаго на ней, закона. Но, если удовлетвореніе, получаемое при мировой сдѣлкѣ, нельзя считать тождественнымъ съ удовлетвореніемъ, получаемымъ въ силу судебного рѣшенія, то весьма естественно, что и признаніе učinенное въ судѣ въ полученіи удовлетворенія вслѣдствіе несостоявшейся мировой сдѣлки нельзя никоимъ образомъ считать признаніемъ въ полученіи удовлетворенія въ *отыскиваемой по суду* суммѣ, и признаніе это не можетъ послужить для суда основаніемъ и руководствомъ для постановленія судебного рѣшенія.

Если мысли нами высказанныя вѣрны, то онѣ не могутъ быть упускаемы изъ виду при разрѣшеніи случаевъ, подобныхъ приведенному нами, и въ старыхъ судахъ. Возраженія, которыя намъ могутъ быть представлены, что мысли эти не основаны непосредственно на законѣ, мы почтемъ неосновательными. Судъ, конечно, рѣшаетъ дѣло на основаніи закона. Но не слѣдуетъ забывать, что вышняя форма, буква закона имѣетъ свое логическое основаніе, свою основную мысль. На судѣ и лежитъ обязанность анализиро-

вать факты, на которыхъ онъ основываетъ свое сужденіе и убѣдиться, на сколько смыслъ, содержаніе этихъ фактовъ соответствуетъ тому понятію, которое выражено въ буквѣ закона. Но каждому понятно, что въ разсматриваемомъ нами случаѣ и по смыслу закона, необходимо убѣдиться, есть ли показаніе истца, изложенное въ мировомъ прошеніи, признаніе въ полученіи сполна всей, *отыскиваемой по суду*, суммы? Вышеизложеннымъ мы и старались доказать, что юридическое предположеніе говорить въ пользу того, что *такого признанія въ настоящемъ случаѣ нѣтъ*. Если же отвѣтчикъ утверждаетъ противоположное, то на немъ и лежитъ обязанность доказательствами уничтожить силу этого предположенія, которое говорить въ пользу истца.

Мы должны еще замѣтить, что если признать за выраженнымъ въ мировомъ прошеніи объясненіемъ истца о полученіи «полнаго удовлетворенія» характеръ судебного признанія въ смыслѣ 315 ст. 2 ч. х т. или 340 ст. Уст. гражд. судопроизв. 1864 г., то въ такомъ случаѣ допросы о доброй волѣ къ миру и самое признаніе, или непризнаніе дѣйствительности мировой сдѣлки получили бы значеніе простой формальности и потеряли бы всякое дѣйствительное вліяніе на сущность спорнаго дѣла. Если, именно, по случаю неподтвержденія ея мирящимися при допросѣ о доброй волѣ, мировая сдѣлка и признана будетъ недѣйствительною, то все-таки въ настоящемъ случаѣ, по отношенію къ сущности спорнаго дѣла, наступить всѣ тѣ послѣдствія, которыя повлекла бы собою вполнѣ законченная, состоявшаяся мировая сдѣлка: мѣсто мировой сдѣлки заступитъ признаніе, учиненное въ судѣ. Къ чему же въ такомъ случаѣ требуются закономъ допросы о доброй волѣ? Какой смыслъ будетъ имѣть тогда самая мировая сдѣлка? Замѣьте еще, какое логическое противорѣчіе вышло бы въ приведенномъ нами случаѣ, еслибъ объясненію истца въ мировомъ прошеніи, что онъ получилъ полное удовлетвореніе, придать значеніе признанія, учиненнаго въ судѣ. Признавая, что мировая не состоялась, судъ призналъ бы этимъ, что истецъ, во время переговоровъ о ней, *не* получилъ полного удовлетворенія, а при рѣшеніи спорнаго дѣла по существу на основаніи однихъ и тѣхъ же данныхъ, судъ призналъ бы что истецъ *получилъ* полное удовлетвореніе.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ приведенномъ нами случаѣ суду слѣдовало придать серьезное значеніе только послѣдовавшему за мировымъ прошеніемъ признанію истца въ полученіи имъ изъ искомой суммы 2700 р. с. По отношенію къ остальной части искомой суммы должно было быть продолжено судебное по дѣлу производство.

Изъ сказаннаго видно, съ какою осторожностію слѣдуетъ иногда обходиться съ словами 315 ст. 2 ч х т., по которой «признаніе, на письмѣ въ судѣ представленное, или въ самомъ судѣ učinенное, принимается совершеннымъ доказательствомъ», и основанной на пей 480 ст. уст. гражд. судопроизводства, по которой «когда одна изъ сторонъ признаетъ дѣйствительность такого обстоятельства, которое служить къ утверженію правъ ея противника, то оно считается не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ». Вообще понятіе о признаніи весьма—обще, неопредѣленно. Признаніе можетъ принять въ жизни разнообразнѣйшія формы, которыя, по неуловимости ихъ, не могутъ быть заранѣе предвидѣны и нормируемы закономъ. Законъ необходимо долженъ выставить общее правило, примѣненіе же этого правила къ разнообразнымъ случаямъ дѣйствительной жизни, анализъ этихъ случаевъ, вѣрное опредѣленіе характера каждаго изъ нихъ въ отдѣльности—дѣло суда. Законъ говоритъ, что признаніе, učinенное въ судѣ, влечетъ за собою такія то послѣдствія. Судъ долженъ разобрать, взвѣсить отдѣльно каждый встрѣчающійся въ жизни случай признанія и рассмотреть, содержитъ ли онъ въ себѣ все необходимое для того, чтобы считать его настоящимъ признаніемъ, učinеннымъ въ судѣ по отношенію къ тому обстоятельству, которое «служитъ утверженіемъ правъ противника.» Такимъ образомъ, признаніе—понятіе не безотносительное, не безусловное. Естественнo, что при такомъ положеніи дѣла не послѣднее мѣсто занимаетъ и самое правило о признаніи, установленное закономъ. Къ вопросу объ основномъ воззрѣніи Устава 1864 г. на признаніе, выраженномъ въ приведенной нами 480 ст., мы и обратимся.

Московская Судебная Палата, которая весьма строго смотритъ на признаніе, которая въ своемъ рѣшеніи по дѣлу Адама съ Мосоловымъ (Суд. Вѣст. 1866 № 107) весьма обще опредѣляетъ отвѣтственность, являющуюся слѣдствіемъ признанія на осн. 480 ст. Уст. и говоритъ, что признаніе Мосолова влечетъ за собою ту отвѣтственность, *которой подвергается должникъ, сознавшій свой долгъ*, въ тоже время прибавляетъ «что отвѣтственность эту не можетъ *ослабить* показаніе Мосолова о собственной его претензій на миткаль и пр. Но если встрѣчаются обстоятельства, могущія *ослабить* отвѣтственность, къ которой ведетъ признаніе učinенное въ судѣ, и если для уничтоженія этой ослабляющей силы сихъ обстоятельствъ слѣдуетъ прибѣгнуть къ подкрѣпленію и къ доказательствамъ, если Московскій Окружной Судъ, не смотря на признаніе Мосолова, опредѣляетъ въ искѣ кредиторовъ. . . Барла Адама. . . отказать,—то очевидно, что признаніе ужъ не всегда сохраняется въ жизни такую безусловно—дока-

зательную силу, которая не нуждалась бы «въ дальнѣйшихъ доказательствахъ». Если бы въ дѣлѣ Адама съ Мосоловымъ была доказана претензія послѣдняго къ первому за миткаль и если бы опредѣленіемъ Конкурснаго Управленія и Правительствующаго Сената претензія эта не была исключена изъ счета долговъ несостоятельнаго Адама, то смѣемъ думать, Судебная Палата не присудила бы Мосолова—въ отмѣну рѣшенія Окружнаго Суда—къ безусловной уплатѣ признаннаго имъ же долга Адаму. Понятно, что случай этотъ приведенъ нами въ видѣ примѣра; обстоятельствъ, ослабляющихъ въ жизни силу признанія исчисляете десятками- (1) Такимъ образомъ, если не ошибаемся, практикѣ нашей приходится ограничить букввальное примѣненіе 480 ст. Устава *одними случаями безусловнаго, абсолютнаго признанія* одною стороною обстоятельствъ, утверждаемыхъ противною стороною. Признаніе, высказанное съ нѣкоторыми ограниченіями, съ условіями, необходимо поведетъ къ потребности обезсплнить эти условія или ограниченія и подтвердить признаніе, т. е. къ представленію еще другихъ доказательствъ. Но, такъ—какъ случаи *безусловнаго* признанія будутъ всегда составлять въ дѣлахъ, подлежащихъ судебному разбирательству, явленія болѣе или менѣе рѣдкія, исключительныя и такъ какъ съ этой точки зрѣнія не совѣемъ легко будетъ согласиться съ мнѣніемъ Московскаго окружнаго суда (Суд. Вѣст.

(1) См. случаи признанія, приведенные въ Сборникѣ рѣшеній Правительствующаго Сената. Въ нашей новой судебной практикѣ встрѣчаемъ еще слѣдующій случай признанія. Крестьянинъ Фединъ ищетъ отъ купца Зота остальныхъ 626 р. 90 к. с., причитающихся ему за поставленные дрова въ количествѣ 547½ сажень. Отвѣтчикъ призналъ, что онъ означенное количество сажень дровъ отъ истца дѣйствительно получалъ, но онъ остался сему послѣднему долженъ всего 100 р. с., при этомъ онъ сослался на собственноручную росписку истца. Истецъ объяснилъ, что онъ на той роспискѣ написалъ только, что получилъ 73 р., а отвѣтчикъ, безъ его вѣдома, приписалъ между строкъ, что онъ остался ему долженъ всего 100 р. с. (Судеб. Вѣст. 1867 г. № 1). Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ есть признаніе: отвѣтчикъ признается, что получилъ указанное истцомъ количество дровъ, а стало быть, и состоялъ ему должнымъ опредѣленную за то количество дровъ сумму денегъ. Но сколько обстоятельствъ необходимо здѣсь выяснитъ прежде, чѣмъ придти къ окончательному рѣшенію и какъ легко можетъ быть при такомъ случаѣ иногда оправданъ отвѣтчикъ, не считая на его признаніе. Дѣйствительно въ приведенномъ случаѣ признаніе имѣетъ такую слабую доказательную силу, что С.-Петербургская Судебная Палата, которая рѣшила это дѣло въ пользу истца, въ своемъ рѣшеніи почти не обращаетъ вниманія на признаніе отвѣтчика, а говоритъ только, что «находящій искъ представляется совершенно основательнымъ и *подкрѣпленъ* письменными доказательствами».

№ 107), что сила признанія тяжущагося, опредѣляемая ст. 480 уст. гражд. судопроизв. дается только признанію положительному и безусловному, то невольно приходимъ къ заключенію, что редакция 480 ст. уст. гражд. судопр. слишкомъ обща. По нашему глубокому убѣжденію, *буквальное* примѣненіе 480 ст. уст. гражд. судопроизв. почти невозможно на практикѣ. Трудно будетъ судамъ нашимъ рѣшиться въ случаяхъ признанія, обусловленнаго разными, ослабляющими силу его, обстоятельствами, выдѣлять изъ всей этой совокупности обстоятельствъ одинъ чистый, голый фактъ признанія и на немъ только основывать свое рѣшеніе. Это противорѣчіе между буквою закона и потребностями дѣйствительной жизни поведетъ къ тому, что новые суды наши, по примѣру Московскаго Окружнаго Суда, не откажутъ въ значеніи и обстоятельствамъ, ослабляющимъ силу условнаго признанія и въ случаѣ основательности ихъ, будутъ склонять въ ихъ сторону и свое рѣшеніе. Но это, по нашему, будетъ отступленіемъ отъ буквы и строгаго смысла 480 ст. уст. гражд. судопроизв. Въ законѣ нѣтъ никакого подраздѣленія признанія на различные виды. Статья 480 Уст. Гражд. Судопр. говоритъ просто о *признаніи*. Но *признаніе* понятіе родовое, которое вмѣщаетъ въ себѣ всевозможные виды и случаи его. Обращаясь къ рѣшенію, Московскаго Окружнаго Суда, мы видимъ, что въ настоящемъ случаѣ возможно одно изъ двухъ: *необходимо* или согласиться съ тѣмъ, что выраженіе «признаніе» ст. 480 Устава,—понятіе родовое и обнимаетъ собою случаи признанія условнаго и безусловнаго, а въ такомъ случаѣ мы придемъ къ соображеніямъ и заключенію нами приведеннымъ или же, если подобно Московскому Окружному Суду, утверждать, что «признаніе» 480 Ст. Устава имѣетъ въ виду *исключительные* случаи безусловнаго признанія, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ придти къ заключенію, что уставъ Гражд. Судопроизв. вовсе исключаетъ изъ понятія о признаніи случаевъ условнаго признанія. Повторяемъ, самое дѣло Адама съ Мосоловымъ и аналогическіе случаи изъ Сборника рѣшеній Правительствующаго Сената доказываютъ, что обращеніе, при случаяхъ условнаго признанія, вниманія на обстоятельства, ослабляющія силу этого признанія, вынуждается практическими потребностями. Но это не совсемъ согласно съ 480 ст. Уст. Гражд. Судопроизв., по которой признаніе . . . . . считается *не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ*. Съ рѣшеніемъ Московскаго Окружнаго Суда по дѣлу Мосолова мы не можемъ согласиться лишь вслѣдствіе имѣющагося по сему дѣлу Указа Правительствующаго Сената, по которому претензію Мосолова слѣдуетъ считать исключенною изъ счета долговъ Адама. Не будь этого указа, мы бы

считали это рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда *логически*—правильнымъ и основаннымъ на сущности дѣла, хотя, въ то же время, формально отдали бы предпочтеніе рѣшенію Судебной Палаты, какъ болѣе законному.

Собственно говоря, сказанное нами по поводу 480 ст. Уст. Гр. Судопр. имѣетъ тѣсную связь, если не совсѣмъ можетъ быть сведено къ вопросу о, такъ называемой въ западно-европейскихъ законодательствахъ, нераздробляемости признанія. (1) Вопросъ этотъ, если не ошибаемся, можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ условному признанію. Въ признаніи безусловномъ о раздробляемости его рѣчи быть не можетъ. Вопросъ о нераздробляемости признанія былъ возбужденъ комиссіею для составленія проектовъ о преобразованіи Судебной части, которая пришла по этому поводу къ слѣдующему заключенію: (2) «наша русская практика вовсе не указываетъ примѣровъ необходимости устанавливать въ гражданскомъ процессѣ такое правило . . . . По симъ основаніямъ комиссія признала неудобнымъ устанавливать у насъ несуществовавшее до сихъ поръ и невызываемое практическою необходимостію правило».

Трудно высказать объ этомъ заключеніи комиссіи что нибудь положительное. Для этого слѣдовало бы обнять всю массу могущихъ встрѣтиться въ жизни, случаевъ признанія и вывести изъ нихъ общее заключеніе, что, конечно, вещь невозможная. Хотя, сущность дѣла и практическіе случаи говорятъ въ пользу правила о нераздробляемости признанія, но случаи условнаго признанія въ то же время столь разнообразны, разнохарактерны и неудобны, что связать по отношенію къ нимъ судей безусловнымъ *положительнымъ* правиломъ, было бы опасно. Но не можемъ не замѣтить, что правило о нераздробляемости признанія находилось бы въ прямомъ противорѣчій съ 480 ст. Устава. Правило это обязывало бы судей именно обращать вниманіе на обстоятельства, ослабляющія, или уничтожающія силу условнаго признанія. Но это то, какъ мы говорили, вовсе и несогласно съ буквою и смысломъ 480 ст. Не знаемъ, какъ юристы наши понимаютъ смыслъ приведеннаго заключенія комиссіи о томъ, чтобы не установить правила о нераздробляемости признанія. Намъ кажется, что возбужденіе комиссіею вопроса о нераздробляемости признанія, приведеніе ею 1961 ст. Голландскаго Устава Гражданскаго права,

(1) *Прим.* О нераздробляемости признанія см. передовую статью въ Суд. Вѣст. 1867 г. № 7. Статья эта появилась въ то время, когда замѣтка наша была готова къ печати, поэтому мы не могли имѣть ее въ виду.

(2) Объяснит. Записки къ проекту Уст. Гражд. Судопр. изв. т. I, стр. 283 и 284.

предоставляющаго разрѣшеніе этого вопроса въ каждомъ данномъ случаѣ усмотрѣнію судьи и, наконецъ, самый мотивъ комиссіи, что наша практика не указываетъ на необходимость *установить подобное правило*—указываетъ на то, что если комиссія не считала за нужное *узаконить* правило о нераздробляемости признанія, то она въ тоже время допускала *возможность* нераздробляемости признанія въ случаяхъ, въ которыхъ она окажется необходимою. Иначе, кажется, комиссія на этотъ вопросъ смотрѣть не могла. Такъ смотритъ на это дѣло и Московскій Окружной Судъ. Въ опредѣленіи его по дѣлу Мосолова съ Адамомъ сказано: «принять признаніе тяжущагося, сдѣланное съ условіями и оговорками *не во всей его цѣлости, а только въ той части, которая клонится ко вреду признаннаго*, было бы очевидною несправедливостію, потому что такое принятіе противорѣчило бы прямому смыслу словъ тяжущагося, въ которыхъ его признаніе выразилось». Замѣтимъ еще кетати, что подчеркнуты нами слова опредѣленія Московскаго Окружнаго суда имѣютъ большое, почтибуквальное сходство съ выраженіемъ приведенной въ объяснительной запискѣ и отвергнутой комиссіею 1556 ст. Француз. Гражд. Устава, по которой признаніе не можетъ быть *раздробляемо на части ко вреду лица, сдѣлавшаго признаніе*. Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что если правило о нераздробляемости признанія, какъ законодательное постановленіе, могло бы оказаться стѣснительнымъ и неудобнымъ на практикѣ, то въ большинствѣ случаевъ условнаго признанія, свободное примѣненіе его будетъ вынуждаемо самою потребностію дѣла. Правило о нераздробляемости признанія не есть что то *положительное*. Оно принадлежитъ къ тѣмъ теоретическимъ положеніямъ, которыя являются результатомъ самаго естественнаго логическаго мышленія, которыя кроются и вызываются самою природою вещей. Простая логика говоритъ, что разбить объясненіе человѣка на части и выбрать изъ нихъ то, что намъ почемубы то ни было нужно, что необходимо для извѣстнойцѣли—это значитъ исказить смыслъ этого объясненія, а иногда вовсе придать ему иное значеніе.

Всѣ соображенія, высказанныя нами по поводу 480 ст. Уст. Гражд. Судопроизв. направлены къ тому, чтобы доказать, что *нераздробляемость условнаго признанія противорѣчитъ буквѣ и смыслу этой статьи*. Нераздробляемость условнаго признанія предполагаетъ возможность ослабить, обезсилить и даже уничтожить силу признанія. Во всякомъ случаѣ нераздробляемость условнаго

признанія предполагаетъ объясненія, доказательства, подтверждающія силу, серьезность значенія извѣстнаго случая признанія и опровергающія значеніе обстоятельствъ обуславливающихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и обезсиливающихъ его. Но этого то, по нашему, и не допускаетъ 480 ст. Уст. Гражд. Судопроизв. по которой обстоятельство, утвержденное признаніемъ, вообще не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

А. Гордонъ.
